

УДК 94(38)

**ОБРАЗ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ГЕРОЯ ТЕЗЕЯ
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В АФИНАХ V ВЕКА ДО Н. Э.***Ю.О. Змитрякова***Аннотация**

В статье рассмотрены изменения в восприятии мифического образа Тезея, связанные с особенностями политической действительности в Афинах в V в. до н. э. Проанализированы взаимосвязи между важнейшими событиями этого исторического периода и возвышением культа героя Тезея, также уделено внимание проблеме отождествления образа Тезея с такими явлениями общественной жизни, как афинский синойклизм и демократия.

Ключевые слова: Афины, Тезей, Греко-персидские войны, культ героев, миф, образ, синойклизм, демократия.

Изучение политического значения древнегреческого культа героев является важной задачей в изучении истории античности. В связи с этим все более актуальным становится обращение к образам героев не только с позиций философии, культурологии и филологии, но и с точки зрения взаимосвязи этих образов с политической действительностью.

Классический период является одним из самых ярких в истории афинского полиса. Именно в это время произошло так называемое возвышение культа героя Тезея, которое исследователи склонны связывать с рядом политических событий.

Афиняне чтили Тезея как героя-ойкиста. Однако сохранившиеся литературные источники, относящиеся непосредственно к интересующему нас периоду (V в. до н. э.), отличаются не слишком частым упоминанием не только каких-либо событий, связанных с Тезеем, но и самого имени героя. Это объясняется тем, что «главным» героем Афин Тезей был не всегда. К примеру, В.Р. Гушин пишет о возвышении культа Тезея во время Греко-персидских войн и после них как о результате целенаправленной политики афинских властей [1; 2, р. 169], в рамках которой и было предпринято так называемое «перенесение костей Тезея». Относительно датировки этого события возможны две версии: 476 г. до н. э. и 469/8 г. до н. э.¹ [3, р. 141]. Существует предположение и о более раннем возникновении культа Тезея – в VI в. до н. э. при Писистратидах [4, р. 38; 5, р. 36; 6, р. 143–147].

¹ По свидетельству Павсания, святилище Тезея у афинян появилось позже, чем мидяне высадились на Марафоне (Paus. 1.17.4).

Миф о Тезее, как и мифы о других героях, перекликается с легендами, которые, вполне вероятно, изначально не имели отношения к этому герою. Это вынуждает нас обратиться не только к источникам, появившимся до V в. до н. э., что в любом случае было бы необходимо, но и к более поздним, где на том или ином уровне уже был произведен анализ текстов и изображений, которые современные исследователи не имеют в своем распоряжении. Невозможно, например, обойти вниманием «Жизнеописания» Плутарха или «Описание Эллады» Павсания (оба произведения обычно относят ко II в. до н. э.), поскольку значительная часть материала в этих источниках, вероятнее всего, восходит к V в. до н. э. Кроме того, значительное место в работе отведено анализу произведений трагического жанра – драм Еврипида («Гераклиды» (430 г. до н. э.), «Ипполит» (428 г. до н. э.), «Молящие» (422/20 г. до н. э.), «Геракл» (416 г. до н. э.)) и Софокла («Эдип в Колоне» (401 г. до н. э.)). Разумеется, это далеко не все источники, в которых упоминается Тезей, но для нас важными являются именно они, так как в них находят свое отражение политические составляющие образа героя. Необходимо отметить, что изображение Тезея в них носит опосредованный характер.

Тезей определяется исследователями как образ политически значимый для Афин. Для того чтобы связать его почитание с идеологией города-государства, совершенно необязательно подходить к источникам с позиции поиска аллюзий и полунамёков, многие из которых можно толковать по-разному. Само упоминание о Тезее уже могло иметь двойное значение. Вероятнее всего, в классическую эпоху Тезей устойчиво ассоциировался не только с Афинами и Аттикой как географическими объектами, но и с афинской государственностью со всеми ее атрибутами.

Первый вопрос, на котором стоит остановиться, заключается в том, почему именно Тезей стал воплощать для афинян не только афинский синойкизм, но и идеального царя, идеального гражданина, идеального объединителя земель, героя, которому стоит поклоняться. Предположим, что одной из причин этого было «происхождение». На первый взгляд, Тезей является исключительно афинским героем, пусть и «рожденным» в Трезене (Арголида). Однако в связи с принадлежностью мифа о Тезее к еще до-троянскому времени возникает вопрос и о месте происхождения самого мифа, ведь для Древней Греции нередким явлением было смешение эллинских мифологических традиций с иноземными. М.П. Нильсон еще в середине XX в. предлагал оставить попытки установить истинное происхождение мифа о Тезее, считая эту тему бесперспективной [7, р. 54]. Впрочем, поиск продолжился. Г.Дж. Уолкер в своей книге «Тезей и Афины» проводит обзор основных версий [5, р. 11]. Несмотря на явное указание на зарождение мифа в Трезене, который называют родным городом героя, Уолкер считает, что местом происхождения легенды о Тезее являются Афины в Аттике [5, р. 9]. Однако впоследствии Тезей, по мнению того же исследователя, становится кем-то вроде панэллинского героя, или, как он пишет, «другим Гераклом» [5, р. 9]. Впрочем, каково бы ни было происхождение мифа, для нас в первую очередь важно то, что в восприятии афинян V в. до н. э. Тезей имел аттическое происхождение.

Мог ли быть выдвинут в качестве главного объекта культового почитания другой античный герой? К сожалению, об этом ничего неизвестно, поскольку источники не предоставляют информации подобного рода, а строить предположения, не располагая даже приблизительными данными, невозможно. На «выбор» Кимона, как считал А.Дж. Подлецки [3, р. 143], главным образом повлияла не столько политическая ситуация, сколько легкость, с которой образ Тезея воспринимался афинянами. К тому же Кимон, по мнению упомянутого исследователя, поддерживая культ Тезея, хотел приобрести славу. Если Мильтиад был известен как победитель персов при Марафоне, Фемистокл – при Саламине, то Кимон получил известность благодаря перемещению «костей Тезея» в Афины. Кроме того, у Плутарха упомянуто, что Тезей «помог» выиграть Марафонское сражение (Plut. Thes. 35), поэтому поддержание культа этого героя вышло и самого Кимона. Несмотря на то что в более ранних источниках подобный эпизод не упоминается, большинство исследователей склонны полагать, что общеаттический культ Тезея возник именно в связи с этими событиями. Впрочем, помощь Кимону со стороны Тезея (греки верили, что герои далекого прошлого помогают им в битвах), связанная с присоединением, скажем, Скироса, где согласно мифу и скончался Тезей, ни в одном из источников не упомянута. Более того, в «Истории» Геродота (которая представляется одним из самых близких по времени источников по отношению к данным событиям) также нет упоминаний о Тезее как собирателе аттических земель или о Тезее как основателе демократических институтов. Соответственно, оставался слой населения, который таким образом Тезей не воспринимал, поскольку либо свидетельства были утеряны, либо же известная поздним авторам трактовка образа героя еще не получила широкого распространения.

К моменту наивысшего расцвета культа Тезей *уже был* «древним героем», поэтому его образ имел еще одно преимущество, которым обладают все отдаленные во времени события и персонажи, – в случае общей отрицательной оценки негативная эмоциональная реакция, возникающая при их упоминании, будет ослаблена. Восприятие Тезея в качестве фигуры «древней» немаловажно еще и потому, что Кимон не сам инициировал почитание Тезея. Кимон лишь содействовал усилению культа, осуществив перенос праха Тезея, а также способствовал тому, что этого героя начали воспринимать как покровителя многих начинаний. Кроме того, Кимон мог считать себя продолжателем дела, начатого Тезеем и связанного с присоединением новых земель, – нового синойкизма. Расцвет афинского государства в классическую эпоху достиг своего пика. В это время Афины начинают вести более активную территориальную и идеологическую экспансию, что и характеризуется как синойкизм.

Связь героя Тезея с синойкизмом и формированием государственных институтов, по замечанию С. Диаманта, некоторые исследователи прослеживают со времени оформления мифа об этом герое [4], то есть с микенского периода. Однако, по мнению Э.Д. Фролова, истинная консолидация Аттики вокруг единого афинского центра произошла намного позже того времени, когда поэты и античные историки помещают легендарного героя [8, с. 89]. Согласно данным археологии, это случилось в X в. до н. э. [8, с. 90]. Кроме того, самые первые упоминания о Тезее в литературных источниках, в частности в гомеровском

эпосе, не содержат никаких указаний на него как на объединителя населения аттических демонов. Несмотря на явные позднейшие вставки в текстах «Илиады» и «Одиссеи», едва ли эти поэмы специально редактировались в местах, где упоминается Тезей, поскольку ни один из трех фрагментов (Hom. II. I. 265; Od. XI. 323; 631) не имеет ярко выраженной политической окраски, которая характерна для источников более позднего происхождения. А значит, вероятнее всего, упоминание Тезея в этих поэмах соответствует времени складывания канонического текста, большая часть которого известна нам теперь. Впрочем, существует мнение, что эпизоды добавлены намеренно [5, p. 7], хотя истинные цели данной манипуляции остаются неясными¹, за исключением того, что включение любого локального героя в тексты поэм было значимо само по себе и утверждало его величие в глазах поколения «редакторов» поэтических текстов. Тем не менее речь о Тезее как о зачинателе синойкизма заходит лишь у более поздних авторов – у Фукидида и Плутарха.

С. Диамант в свое время предполагал, что синойкизм V в. до н. э. имел прямую связь с некоторыми событиями бронзового века [4, p. 45], когда, согласно версии мифа, изложенной у Плутарха, Тезей сделался царем и уговорил объединиться некоторые из племен, а другие объединил насильно (Plut. Thes. 24), по сути, создав Афинский полис в том виде, в каком его знали афиняне классического периода. Похожее свидетельство можно найти и у Фукидида (Thuc. II. 15). Последний также упоминает о том, что в честь объединения Аттики справлялись Синойкии, посвященные богине Афине (Thuc. II. 15. 2). Однако из его рассказа трудно понять, какая роль в этом религиозном празднестве отводилась герою. Впрочем, если судить по свидетельствам того же Фукидида, на акрополе располагался храм Тезея (Thuc. VI. 61. 2), а это говорит о величии культа, поскольку уточнение места положения указывает на то, что храм был не единственным.

Несмотря на то что афиняне в V в. до н. э. в значительной степени считали себя продолжателями дел Тезея, этот герой почитался не только за синойкизм. Самой важной и, скажем так, стоящей выше идеи объединения земель была идея афинской государственной мощи, которую образ Тезея в себе воплощал. На наш взгляд, интересным феноменом является соотнесение образа Тезея не только с Афинами, но и с понятием государства как такового. К примеру, у Еврипида в «Ипполите» (428 г. до н. э.) мы находим сразу два таких эпизода (Eur. Hipp. 719–721; 817–818). В первом случае Федра говорит вначале о нежелании позора для своей родины (Крита), а затем о Тезее, который не должен стать тому свидетелем. Впрочем, зная манеру Еврипида создавать парадоксы, можно понять этот эпизод как выпад в сторону Крита. А поскольку Крит, критяне и так называемые «критские поступки» символизировали ложь, в словах Федры могла содержаться игра смыслами. Однако это еще можно оценивать как отдаленный намек на некую родину в общем смысле слова. Во втором эпизоде Еврипид приписывает Тезею ряд восклицаний, первым из которых было слово «Полис» при обращении к народу. Обращение к полису должно было звучать на сцене в тот момент, когда Тезею показывают тело Федры. Все это лишний раз подчеркивало

¹ Здесь было бы излишним углубляться в вопрос о том, что тексты «Илиады» и «Одиссеи» являются результатом труда многих авторов.

отношение афинян к неблагоприятному происшествию в биографии мифического героя (речь идет об изгнании Тезеем своего сына Ипполита и гибели последнего). Дело в том, что Еврипид предпочел описать эти события как трезенские, а не афинские [9, с. 872], дабы не ранить чувства афинян.

В драме Еврипида «Молящие» (422/20 г. до н. э.) звучат слова Тезея о равенстве афинских граждан вне зависимости от их достатка¹ (Eur. Nicet. 405–409) (см. [10]). В драме «Геракл» Еврипида Тезей, едва освободившись из царства Аида, тут же возвращается в Афины (Eurip. Her. 620–623). В «Гераклидах» постоянно упоминаются Афины и тезеевы дети, много говорится об афинской мощи и оказании покровительства тем, кого притесняют вопреки законам богов, а также заходит речь о справедливости управления полисом (Eur. Heraclidae 115, 208–232, 320–328). Даже у Аристофана в «Лягушках» (405 г. до н. э.) Тезей отождествляется с Афинами (Aristoph. Bat. 142), пусть и исключительно в сатирическом смысле. Примечательно, что в более поздних источниках эта особенность не прослеживается. Именно с 70-х годов V в. до н. э. тенденция начинает носить явный характер. Афины и Тезей – образ полиса и образ героя – становятся едва ли не взаимозаменяемыми. Остается лишь предполагать, насколько случайным было появление такого сочетания.

При анализе другого сочетания – Тезей и демократия в Афинах – картина представляется более ясной. Рассматривать этот довольно интересный вопрос лучше начать с более позднего источника – «Описания Эллады» Павсания, поскольку именно этот автор предоставляет одно из ярчайших свидетельств в пользу восприятия Тезея не только как героя, соединившего общины Аттики, но и как даровавшего им демократическое правление. Павсаний описывает изображение, на котором присутствуют Тезей, Демократия и Демос. Тезей представлен как персонаж, установивший у афинян равноправие (Paus. I. 3. 1). Однако, по мнению Павсания, на самом деле Тезей сам был царем и еще четыре поколения его рода после него царствовали в Афинах. Считается, что это изображение могло относиться к IV в. до н. э. [5, р. 144]. Очевидный парадокс заключается в том, что Тезей воспринимался и как царь, и как основатель демократии, по крайней мере в период, когда была создана эта картина. Для нас, по сути, не так уж и важно, на самом ли деле в IV в. до н. э. сочетание образа Тезея и демократии не вызывало противоречия, поскольку представляется очевидным, что в V в. до н. э. эта связь либо прослеживалась не слишком явно, либо вообще отсутствовала. В источниках Тезея называют царем без каких-либо оговорок (например, Софокл (Soph. Col. 69)), и нигде в драматических произведениях мы не встречаем даже намека на то, что именно он основал демократическое управление в Афинах. У Геродота, например, основателем демократии представлен Клисфен. Анализируя источники, относящиеся как к классическому периоду, так и более поздние, Г.Дж. Уолкер предлагает в связи с отсутствием прямых указаний на Тезея как на учредителя демократии называть его «демократическим правителем» [5, р. 143–171]. В целом это определение соответствует тому, что мы находим в источниках. Однако практически все авторы, за исключением

¹ Кроме того, «Молящие» содержали слишком явную политическую аллюзию на спор, связанный с поражением афинян в Беотии и выдачей тел (424 г.) и описанный Фукидидом (Thuc. IV, 76–77, 89–101), что было нехарактерно даже для Еврипида.

Павсания, сохраняют двойственный подход к тому, что повествует миф о политической роли Тезея в истории Афин. С. Миллс также говорит об этом двойственном восприятии на примере драмы «Молящие»: с одной стороны, эта трагедия полна намеков на демократическое правление, а с другой, Тезей не раз назван в ней царем [11, р. 97].

На основании анализа различных источников можно сделать некоторые выводы, касающиеся восприятия афинянами образа Тезея. Из всех компонентов, которые составляли его образ, политический, на наш взгляд, является самым значимым. Политическая составляющая включает ряд аспектов, связанных с деятельностью легендарного царя: объединение земель Аттики (синойкизм); учреждение определенного, возможно, основанного не исключительно на царской власти управления полисом, что впоследствии привело к восприятию Тезея как основателя демократии; основание афинского государства как такового. Однако если мы обращаемся к текстам художественной направленности (к драмам), то находим там информацию несколько иного характера, чем в сочинениях Плутарха и Павсания. Образ Тезея неразрывно связан с Афинами. В восприятии афинян под влиянием множества исторически значимых событий Тезей со второй трети V в. до н. э. Тезей превращается в фигуру, символизирующую Афины, не только «древние», но и «современные». На наш взгляд, хотя связь образа Тезея с объединением аттических земель и не была в полной мере осмыслена античными авторами, все же она имела под собой серьезные основания. Что же касается восприятия Тезея как учредителя демократии, то мы склонны говорить о довольно противоречивом отношении афинян в V в. до н. э. к подобной трактовке. Это значит, данная ассоциация получила свое окончательное оформление позднее рассматриваемого нами исторического периода.

Summary

Yu.O. Zmitryakova. The Image of the Ancient Greek Hero Theseus and the Political Situation in Athens in the Fifth Century B.C.

This article covers the problem of interpretation of the mythical image of Theseus under the influence of the political reality in Athens in the fifth century B.C. The attention is focused on a specific interconnection between the main events of Athens' history and the rise of the cult of Theseus, as well as on the problem of identifying the image of Theseus with such phenomena as Athenian synoikism and democracy.

Key words: Athens, Theseus, Greco-Persian Wars, hero cult, myth, image, synoikism, democracy.

Литература

1. *Гущин В.Р.* Кимон и кости Тезея // Политическая история и историография от античности до современности: Сб. ст. – Петрозаводск. Изд-во Петрозавод. ун-та, 2000. – Вып. 3. – С. 34–46.
2. *Gouschin V.* Athenian Synoikism of the Fifth Century B. C. or Two Stories of Theseus // Greece and Rome. – 1999. – V. 46. – P. 168–187.
3. *Podlecki A.J.* Cimon, Skyros and “Theseus’ Bones” // J. Hellen. Stud. – 1971. – V. 91. – P. 141–143.

4. *Diamant S.* Theseus and the Unification of Attica // *Hesperia Supplements. Studies in Attic Epigraphy, History and Topography.* – 1982. – V. 19. – P. 38–47.
5. *Walker H.J.* Theseus and Athens. – N. Y., Oxford: Oxford Univ. Press, 1995. – 224 p.
6. *Connor R.* Theseus in Classical Athens // *The Quest for Theseus.* – N. Y.: Praeger Publ., 1970. – P. 143–174.
7. *Nilsson M.P.* Cults, Myths, Oracles and Politics in Ancient Greece. – Lund: C.W.K. Gleerup, 1951. – 180 p.
8. *Фролов Э.Д.* Рождение греческого полиса. – СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2004. – 266 с.
9. *Сумм Л.Н.* Комментарии // *Античная драма.* – М.: Эксмо, 2005. – С. 819–878.
10. *Shaw M.H.* The *ethos* of Theseus in “The Suppliant Women” // *Hermes.* – 1982. – V. 110, No 1. – P. 3–19.
11. *Mills S.* Theseus, Tragedy and the Athenian Empire. – Oxford: Clarendon Press, 1997. – 294 p.

Поступила в редакцию
03.02.11

Змитрякова Юлия Олеговна – соискатель кафедры истории древнего мира и средних веков Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: juliazmitr@gmail.com